

«— Б А Ч А Н А я, внук Ломкацы Рамишвили...

— Как поживает дед?.. Потерять таких сыновей... Эх, и отец был у тебя!»

Даже если бы Бачана Акакиевич Рамишвили не стал впоследствии ни редактором газеты, ни писателем и общественным деятелем, то и тогда уважение и сочувствие к его роду — самое убедительное удостоверение его лично-

рою, что вызвали протест у А. Кондратовича чрезмерной эмоциональностью и старомодной лексикой, как раз сформировали в Бачане повышенную чувствительность к добру и злу. И это его качество оказалось на поверку одним из важнейших, когда человеческая и гражданская зрелость героя совпала с решительной борьбой партийной организации республики с нарушениями общественной морали.

Особенный блеск — в притче о превращении обезьяны в писателя. Как живой предстает образ современного халтурщика и карьериста от литературы, которого когда-то пожалели и напечатали, потом подивились нахальству и напечатали еще раз, а уж потом увидели его во всяких организациях и комиссиях, обеспечивших тому независимость от крестных отцов. «Сколько разного смысла вкладываем мы в привычные слова о сеянии добра!» — восклицает Бачана.

Отнесясь со всем уважением к открытию А. Кондратовичем трех сюжетных слов, попытаемся все же отделить «эманацию духа», то есть сны героя, от его любви к женщине. Как ни романтичны обстоятельства знакомства с Марией, как ни смешны, быть может, на чей-то вкус их отношения, не обремененные бытом, сведениями о ее муже и т. п. — все-таки эти отношения вполне земные. В образе Марии воплощено традиционное для грузинской литературы рыцарское отношение к женщине, дар приподнятого над повседневностью, восхищенного восприятия. Интересен этот образ и отходом от традиции: в нем, как и в целом ряде других образов современных грузинских героинь, исчезло прежнее внутреннее равновесие, происходит становление нового типа. Вопреки несколько архаичным выражениям «покаянного» письма Марии, суть его в защите нового понимания женской чести. Только такая «тяжелая» душа и могла привлечь внимание Бачаны.

Не могу согласиться с чересчур категоричным суждением А. Кондратовича о том, что надо «писать реальную и сложную жизнь без символических фокусов», то есть разных снов и воспоминаний, которые, между прочим, можно найти и у Гоголя, и у Горького, и у Твардовского (вспомним необычные приключения, случавшиеся с Василием Теркиным). Стоит ли так обуздывать авторскую волю и сводить к минимуму громадный арсенал художественных средств, находящихся в распоряжении писателя?

Образ Бачаны и весь роман в целом — большая удача Н. Думбадзе. Что нужно удаче: упование на «высшую» силу или мобилизация собственных духовных запасов — вот эпицентр споров, смысл столкновения двух мировоззрений, одному из которых две тысячи, а другому немногим более ста лет. К концу романа отец Иорам впадает в апатию, он сломлен непреодолимой, как ему кажется, злобой силой, подсылающей к нему «человека без лица». Не обещано цветущее здоровье и Бачане. Но его дух может опереться на открытый им закон братства, на веру в нравственное здоровье своего народа, общества. «Иначе вообще не стоило бы жить, и я, кстати, был бы сейчас мертв».

И дело вовсе не в философском камне, как это кажется А. Кондратовичу. В романе есть нравственный пример — история жизни передового человека времени, страстно убежденного в коммунистических идеалах, на себе испытывавшего «сложный» закон человечности. Вечные истины наполняются большим содержанием самими людьми. И не всегда легко разглядеть то, что, казалось бы, лежит «у каждого под ногами». Мысли романа несуетны, нефальшивы, емки и многомерны. Сила же и перспективность героя Н. Думбадзе — в доверии к нравственному потенциалу современной личности, в его активности.

Галина КУЗНЕЦОВА

СЕГОДНЯ И ВСЕГДА

О романе
Нодара
Думбадзе
«ЗАКОН
ВЕЧНОСТИ»

На страницах романа этот процесс выразительно запечатлен в сцене, когда Бачана, Иорам и Булика узнают из утренних газет о «снятии Небес-ридзе». Знаменитое постановление о протекционизме, борьба со взяточничеством и равнодушным отношением к жалобам трудящихся были в одном русле с усилиями редактора Бачаны Рамишвили, через руки которого прошли сотни анонимных и неанонимных писем, и в каждом из них либо мольба о помощи, либо угроза мщения.

И реанимационная палата остается ареной абсолютно земных страстей, которыми, как взрывчаткой, наполнены визиты «седой дамы» с папкой в руке и проворовавшего заготовителя табака, а также споры Иорам и Бачаны. Да и «ретро» последнее — естественные в положении больного воспоминания о прожитой жизни, в том числе и совсем недавние и светлые: о председателе колхоза Хута Шелия, рачительном хозяине и поклоннике искусства, о встрече со старым Георгием и его здоровых речах про необходимость большего авторитета советских учреждений и т. д.

Среди «ретро» одно из самых чудовищных — о Сандро Маглаперидзе, директоре комбината меховых изделий, позже директоре ресторана и авторе грязного анонимного письма о Марии. Вот он пытается «скупить» у Бачаны за 50 тысяч весь тираж газеты с фельетоном «Витязь в козачьей шкуре», обостривая это тем, что наше «государство... состоит из людей, таких, как я с вами».

И самый инфаркт — результат предательского заговора заместителя главного редактора против подчиненного и друга Рамишвили, а фактически против него. Но не страх за редакторское кресло поражает сердце Бачаны. Самое трудное для него — потеря людей.

Наконец, невозможно обойти историю исчезновения креста V века из прихода отца Иорам — не столько предмет культа, сколько национальной реликвии, оказавшейся непостижимым образом собственностью некоего высокого лица...

За пределами рецензии остаются еще многие наблюдения писателя. Они могли бы стать материалом даже для анализа социолога. Реализм писателя беспощаден к иллюзиям. Такова «реальная и сложная жизнь» в романе Н. Думбадзе. Что касается символических образов, то ведь они — не обязательно фокусничанье. Вещи сны, сцены с крысами, гуманоидом, «человеком без лица» находятся в ряду художественных поисков писателя. Это скорее фокусирование предметов в той точке, которая помогает фотографии жизни превратиться в искусство.

сти. Счастлив тот, кто, назвав имя своих родителей, будет сжат в горячих объятиях незнакомым человеком. «Хороший ты парень, сынок!» — не раз услышит о себе Бачана. Что касается его самого, то он просто не выжил бы ни физически, ни морально без тети Оли и деда, заменивших ему отца и мать, без зафермой Глахуны Керкадзе, в голодное военное лето 1943 года вылечившего подростка от туберкулеза козьим молоком, горным воздухом и — крестьянским спокойствием.

Сложная, страстная эпоха ворвалась в детство героя. «Хочу, чтобы в партии было как можно больше честных людей!» — скажет гораздо позже сам Бачана, вступая в партию. Словно герой народных сказаний, Бачана рос в недрах народной доброты и милосердия, и, как сказочного героя, в надлежавший срок жизнь позвала его на большие дела. «Теперь время поработать моему поколению, ответственность за жизнь берут мои ровесники».

За двадцать лет, прошедших со времени опубликования первой повести Нодара Думбадзе «Я, бабушка, Илико и Илларион», жизненные ситуации и сами герои его произведений претерпели сложную эволюцию. Деревенские ребяташки военной поры, получившие от взрослых заряд здоровой нравственности, выросли в людей с острым чутьем ко всякой несправедливости. В сущности, писателем хронологически, с небольшими отступлениями и вариациями, разрабатывается биография одного поколения, которому сейчас около пятидесяти.

Так, в романе «Не бойся, мама!» журналист Гурам, размышляя о негативных явлениях в жизни родного города, пишет, «что девочки пьют и курят... что каждая бездарь диссертацию защищает, что человек, получающий сто рублей оклада, имеет три машины, четыре дачи, и никто его не спрашивает (выделено мной. — Г. К.) — откуда, мол, у тебя такое добро...».

Это обращение к суду человеческого, которое мы встречаем и в следующем романе — «Белые флаги», есть, по сути, пока еще отдаленные поиски «закона вечности» — закона нравственного воздействия на зло. И в новом романе вмешательство в серьезнейшие пороки нарушения норм нашей жизни с помощью таких хрупких орудий, как перо и обличительное слово, составит содержание и смысл редакторской и депутатской работы его героя Бачаны Рамишвили.

«Закон вечности» подвел итог двадцатилетним художественным и нравственным исканиям Н. Думбадзе. Весь жизненный путь Рамишвили — беспрерывная аккумуляция духа и отдача себя людям. Эти сцены из ранней юности ге-

КОММЕНТАРИЙ ОТДЕЛА ЛИТЕРАТУР НАРОДОВ СССР

Лирико-патетическая приподнятость стиля и символическая обобщенность некоторых образов нового романа Н. Думбадзе вызвали критические замечания у А. Кондратовича. Трудно, однако, согласиться с его мыслью о том, что поэтика условности в данном случае вступает в противоречие с содержанием произведения, — символично-аллегорический план большей частью органично сочетается с планом реалистическим и подчинен задаче глубокого социально-психологического анализа.

Думается, права Г. Кузнецова, рассматривающая роман с точки зрения заключенных в нем острых проблем действительности и соответствия его формы нравственной концепции писателя. А. Кондратович, по существу, вопрос этот обошел, сосредоточив свое внимание преимущественно на стилистических особенностях произведения.